

Искандер Арысов

Муха из будущего

Искандер Арысов

Муха из будущего

<https://litres.ru/74260032>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная комнатная муха. Что, если за её неуловимостью — тайна времени? Виктор Прихлопов, мальчик из глухой деревни, посвятил жизнь изучению мух. Он понял: муха видит мир в ином временном потоке. Для неё удар человека — замедленная съёмка. Его открытие — конденсатор времени. Но военные охотятся за технологией, и Виктор бежит в родной коровник. Там случайный резонанс открывает канал в будущее. Он встречает разумных мух, эволюционировавших в космические сущности. Они предупреждают: человечество на пороге временной катастрофы. В глубине времени скрываются «охотники», уничтожающие цивилизации, посмеявшиеся коснуться хроно-поля. У Виктора один шанс — объединить людей и мух в симбиоз, спасающий ткань реальности. Цена — его личность, свобода, жизнь. «Муха из будущего» — роман, где быт и космос сплетаются, а насекомое становится ключом к бесконечности.

Искандер Арысов

Муха из будущего

Глазами мухи (Мушиный пролог)

Она родилась на рассвете, когда первые лучи солнца проникли сквозь щели в шиферной крыше. Вокруг было тепло, пахло парным молоком и чем-то сладким, что она потом узнает как корм для коров. Всё вокруг двигалось медленно, как в густом сиропе — люди с их тяжёлыми шагами, коровы с их размеренными вздохами, даже капли воды, падающие с крана, застывали на миг, прежде чем упасть.

Она не знала, что видит мир быстрее всех. Для неё это было просто данностью — такой же естественной, как шесть лапок или прозрачные крылья. Она не знала, что другие существа, те, что ходили на двух ногах, едва различают движение её крыльев. Она просто жила, питалась, пряталась от опасностей и выводила потомство.

И однажды она увидела мальчика.

Он стоял у стойла, держал в руке скребок и смотрел на неё так, как никто не смотрел на мух — не с отвращением, не с раздражением, а с любопытством. Она почувствовала, что он не хочет её убить. Он хочет понять.

Когда он поднял руку, она приготовилась к прыжку — но не из страха, а из древнего инстинкта, который помогал её виду выживать миллионы лет. Она видела, как его пальцы

сжимаются, как напрягаются мышцы, как воздух передвигается перед его ладонью. Она могла бы улететь за мгновение до удара. Но она замешкалась. Впервые в жизни она замешкалась, потому что вдруг поняла: этот мальчик отличается от других. Он не просто угроза. Он — вопрос.

Она позволила ему промахнуться.

И в тот миг, когда его рука пронеслась мимо, оставляя за собой поток воздуха, который она могла измерить точнее любого прибора, в её маленьком мозгу родилось нечто новое. Не мысль — тогда она ещё не умела мыслить. Но предчувствие, что эта встреча изменит всё.

Прошли годы. Она давно умерла, как умирают все мухи — быстро и незаметно, растворившись в круговороте жизни. Но её потомки, сотни тысяч поколений, продолжали жить в том же коровнике. Они кружили над навозом, садились на стены, избегали тапков и газет. И они видели, как мальчик превращается в юношу, как юноша уезжает в большой город, как он возвращается седым, с чемоданами, набитыми железяками.

Они не знали, что он создаёт машину времени. Они знали только, что когда он включает свои приборы, мир вокруг них замедляется или ускоряется — и они, мухи, чувствуют это всем телом, потому что их жужжальца дрожат в резонансе с его полями.

А однажды, когда старый человек уже почти не мог ходить, но всё ещё сидел на крыльце и смотрел на них, одна

из мух подлетела к нему и села на его руку. Она не боялась. Она знала, что он не причинит ей вреда. Он просто смотрел на неё, и в его глазах было узнавание.

«Мы — одно,» — прошептал он.

И муха, которую никто никогда не научил понимать человеческую речь, вдруг поняла его. Потому что время, которое они делили, говорило на одном языке.

Это история не о человеке. Это история о связи, которая возникла между двумя формами жизни, когда одна из них перестала видеть во второй врага. И о том, как эта связь спасла мир.

Глава первая. Формула удара

Навозная жижа хлюпала под резиновыми сапогами семнадцатого размера. Виктор Прихлопов, которому в ту пору только-только исполнилось двенадцать, двигался вдоль стойла с методичностью заводского конвейера. В правой руке — скребок, в левой — ведро. Глаза — пустые, безжизненные, как у человека, который видит вокруг себя только коровьи спины и бесконечную серость бетонного пола.

Но это было обманчивое впечатление.

На самом деле глаза Вити Прихлопова фиксировали всё. Каждое движение в радиусе трёх метров. Каждую тень, скользнувшую по стене. Каждое изменение воздушного потока, вызванное взмахом хвоста или воротником рабочей куртки отца, который трудился в соседнем проходе. Особенно — каждую муху.

Она сидела на левом роге Бурёнки, номер 437. Обычная комнатная муха, *Musca domestica*. Шесть чёрных лапок, две прозрачные крыла, фасеточные глаза, в которых отражался весь коровник — и Витин скребок, и ведро, и даже пылин-ка, застывшая в луче солнца, пробивавшемся сквозь щель в шифере.

Виктор замер. Ведро со скребком он поставил на пол. Отец, проходя мимо, хмыкнул:

— Витя, не стой столбом. Коровы ждут.

Но мальчик не слышал. Он смотрел на муху и думал: *как?*

Как она удерживается на гладкой поверхности рога, который чуть покачивается в такт жевательным движениям Бурёнки? Почему она не падает, когда корова мотает головой? Где центр масс этого микроскопического аппарата, способного не только висеть вверх ногами на потолке, но и мгновенно срываться в полёт, едва Виктор поднимал руку?

Он поднял руку сейчас — медленно, плавно, как учили в книжках про кунг-фу, которые он тайком читал под одеялом. Ладонь описала дугу, приближаясь к рогу Бурёнки. Муха не шевелилась.

Тридцать сантиметров. Двадцать. Пятнадцать.

Виктор видел, как её ножки чуть сдвинулись — на микроны, едва заметно. Как корпус наклонился на долю градуса. Как мышцы, приводящие в движение крылья, получили сигнал от нервной системы, которая уже просчитала траекторию его ладони, оценила скорость, направление, угол атаки.

Он ударил. Пусто. Муха уже была в воздухе, её траектория представляла собой идеальную восходящую спираль с радиусом кривизны, который Виктор мог бы вычислить, если бы у него под рукой был калькулятор. Но калькулятора не было — была только голова, которая, казалось, лопалась от перегрузки.

— Опять? — услышал он голос отца. — Вить, ты же понимаешь, что муха быстрее? Сколько можно?

Виктор не ответил. Он смотрел вслед улетающей мухе и вдруг улыбнулся — той улыбкой, которую взрослые называли "странной", а мать — "блаженной".

"Быстрее", — повторил он про себя. — "Нет, папа. Она не быстрее. Она просто живёт в другой временной шкале."

Отец не знал, что вечерами, когда коровник затихал и в доильном зале гас свет, Витя сидел в своей комнате — крошечной каморке при ферме, где пахло сеном и машинным маслом, — и перечитывал письма.

Стопка писем была тонкой, но бесценной. Первое пришло, когда Вите было десять. Он тогда написал в институт энтомологии, зажмурившись от страха, что письмо даже не откроют. Но открыли. И ответили. Профессор Семён Ильич Лейбович, доктор биологических наук, человек, написавший три монографии о двукрылых, потратил целый вечер, чтобы объяснить десятилетнему мальчишке из коровника, почему его "теория о замедленном восприятии мух"

не имеет под собой экспериментальной базы.

"Уважаемый Виктор, — писал Лейбович своим мелким, бисерным почерком, — Ваша гипотеза о том, что муха видит мир в более высоком временном разрешении, безусловно, интересна. Однако Вы не учитываете фундаментальное ограничение, налагаемое скоростью химических реакций в фоторецепторах. Человеческий глаз различает до 50-60 отдельных кадров в секунду. У насекомых этот показатель может достигать 100-200. Но никак не тысячи, как Вы предполагаете. Прошу Вас ознакомиться с работами..."

Витя ознакомился. Перечитал все работы Лейбовича, которые смог достать в сельской библиотеке. А затем написал ответ.

"Уважаемый Семён Ильич! Я прочитал Ваши статьи. Вы пишете о частоте слияния мельканий, но я говорю не о ней. Я говорю о том, что муха реагирует на изменение углового размера объекта. Если Ваша рука движется к ней, то на сетчатке её глаза Ваша рука не просто приближается — она расширяется. И скорость этого расширения рассчитывается задолго до того, как сигнал достигает зрительных центров. Муха не видит тысячу кадров в секунду, она видит один кадр, но этот кадр — сплошное движение!"

Он не знал тогда, что через двадцать лет именно эту идею назовут "принципом Прихлопова".

Мать работала дояркой машинного доения. Это означало,

что каждое утро в пять часов она надевала белый халат и резиновые перчатки, подключала аппараты к выменем коров и слушала, как ритмично стучит пульсатор. Сын часто помогал ей — не потому, что любил коров, а потому что в доильном зале было тепло и там всегда крутились мухи.

Их было много. Десятки. Сотни. Мухи обожали коровье молоко, тёплое, парное. Они садились на соски, на аппараты, на руки матери. Виктор смотрел, как они взлетают, и вдруг заметил странную закономерность. Они не боялись коров. Корова могла махнуть хвостом, лягнуть копытом, даже взреветь — мухи оставались на месте. Но стоило человеку поднять руку — и всё стадо мух взмывало в воздух синхронно, как эскадрилья истребителей.

— Мам, — спросил он однажды. — Почему они не боятся коров?

Мать, женщина практичная и далёкая от биологии, пожала плечами:

— Потому что корова — это еда. А человек — это опасность. Они же не дураки.

Витя задумался. "Не дураки" — это было слабо сказано. Мухи, которых он наблюдал каждый день, демонстрировали чудеса вычислительной биологии. Они умели отличать медленные движения коровьего хвоста от быстрых движений человеческой руки. Они могли предсказывать траекторию удара. Они заранее переставляли ноги, готовясь к прыжку.

В тетрадах Виктора, которых к концу школы набралось

сорок пять штук, были тысячи зарисовок. Вот муха на стене — координаты лапок, угол наклона тела, положение крыльев. Вот муха в полёте — траектория, скорость, высота, частота взмахов. Вот муха перед ударом — как меняется поза за 0,2 секунды до касания.

Никто в деревне не понимал, зачем парню эти тетради. Друзья посмеивались: "Витя, ты бы лучше за девками побегал, а то так и умрёшь блаженным". Взрослые качали головами: "Учёным хочет стать, а коровий навоз из-под ног не вывозит".

Но Виктор не обращал внимания.

У него была непосредственная цель. И опосредованная. Непосредственная — понять. Понять, почему муху так трудно прихлопнуть. Проникнуть в самое сердце этой загадки, которая мучила человечество с тех пор, как первый пещерный человек попытался прихлопнуть муху на своём плече.

Опосредованная — Нобелевская премия. Он, конечно, никому об этом не говорил. В сельской библиотеке, где он прочитал все книги по физике и биологии, не было ни одного справочника по Нобелевским лауреатам. Но по телевизору иногда показывали церемонию, и Витя смотрел на этих людей в смокингах, которые держали в руках золотые медали, и думал: "Я тоже смогу. Я открою им всем глаза на мух".

Он не знал тогда, что Нобелевскую премию по физиологии не дают за изучение мух. Или дают, но очень редко. Он узнает это позже.

Но между коровником и московской кафедрой лежала целая пропасть, заполненная школьными коридорами, столовскими обедами, сельскими дискотеками и долгими зимними вечерами, когда единственным развлечением были карты и самогон.

Витя учился в средней школе села Заречье — типовом двухэтажном здании с облупившейся штукатуркой и запахом хлорки. Класс его был сборным: дети фермеров, механизаторов, редких учителей и нескольких семей, державших личное подсобное хозяйство. Учителя знали, что Витя — умный, но странный. Он редко поднимал руку на уроках, но когда его вызывали, отвечал так, что у класса начинали звенеть уши.

— Прихлопов, — говорила учительница биологии, Марья Петровна, — ты можешь ответить на вопрос, а не читать лекцию о том, что у мухи сто миллионов нейронов?

— Но ведь это и есть биология, — отвечал Витя. — Вопрос был о строении насекомых. Я просто расширил тему.

— Расширил, говоришь. А что в контрольной? Ты уже неделю не сдаёшь тетрадь.

Витя отводил глаза. Контрольные по биологии были для него пыткой — не потому, что он не знал материал, а потому что знал его слишком хорошо. Ему предлагали простые схемы "голова-грудь-брюшко", а он хотел рисовать аксоны, синапсы, частотные характеристики зрительных рецепторов.

Учителя не понимали. Одноклассники тем более.

Больше всего доставалось ему в перемены. Классная компания — Петька Сидоров, Саня Кузьмин, Женька Кротов — были типичными деревенскими парнями, которые после уроков гоняли на мотоциклах, курили за школой и обсуждали, у кого из девчонок ноги длиннее.

— Эй, Прихлопов, — окликал его Петька, вытягивая резинку от трусов и нацеливаясь на очередную муху, которая грелась на подоконнике. — Смотри, сейчас я её щёлкну! Думаешь, выйдет?

Витя вздыхал. Петька уже прицелился, но муха, конечно, улетела за мгновение до того, как резинка щёлкнула по стеклу.

— Дурак, — говорил Витя. — Ты же знаешь, что муха видит твоё движение. Надо бить не в неё, а в то место, куда она прыгнет.

— А ты умный, да? — Петька сплёвывал. — Ну-ка, покажи, как надо.

И тогда Витя, не долго думая, брал обычную газету, сворачивал её в трубку и медленно, почти вальяжно, подносил к мухе, которая сидела на стене. Муха сидела неподвижно. Витя ждал, смотрел на её лапки, ловил момент, когда мышцы начинали готовиться к прыжку, и вдруг бил — не туда, где была муха, а на полсантиметра левее и выше. Муха, в панике срываясь, сама налетала на газету.

— Вот так, — говорил Витя. — Всё просто. Ты только

думай о том, куда она направится, а не о том, где она сейчас.

Петька смотрел с открытым ртом, но потом злорадствовал:

— Подумаешь, муху замочил. А ты попробуй с девчонкой потанцевать.

И это была более глубокая рана.

Дискотека в сельском клубе проходила по субботам. Старый деревянный зал с колонками, которые иногда хрипели, ночь светодиодной гирлянды, украшающей сцену, и запах дешёвого одеколona, которым поливали себя парни. Витя появлялся там редко — мать заставляла его "развешаться", но он чувствовал себя чужаком.

Он стоял у стенки, смотрел, как одноклассники танцуют под кассетные записи группы "Ласковый май", и думал о том, что человеческие движения — это тоже физика. Вращение вальса — это угловая скорость, приставной шаг — это ускорение, а синхронность пары — это скоординированность нервных импульсов. Если бы муха смотрела на этот танец, она, наверное, видела бы не людей, а размазанные траектории — слишком медленные для её зрения.

— Ты чего стоишь, как истукан? — к нему подошла Ирка Зайцева, самая красивая девушка в классе, с длинными русыми волосами и веснушками на носу. Она была добрая, но смотрела на Витю как на забавного зверька. — Иди, танцуй.

— Я не умею, — честно признался Витя. — Ты видела, как я двигаюсь. Я не попадаю в ритм.

— А ты не думай о ритме. Просто слушай музыку и делай, что хочется.

Витя попытался. Он вышел в центр зала, и его тело начало подёргиваться в такт мелодии — но получалась какая-то нелепая пантомима. Одноклассники засмеялись. Кто-то крикнул: "Эй, Прихлопов, ты муху ловишь, что ли?" — и все заржали.

Витя покраснел и отошёл к стойке с лимонадом.

— Не обращай внимания, — сказала вдруг за спиной Ленка Смирнова, тихая девочка, которая сидела за соседней партой. — Они просто злые.

Ленка была единственной, кто иногда читал его тетради. Не насмехаясь, а с любопытством. Она интересовалась астрономией и однажды спросила Виктора: "А ты думаешь, на других планетах есть мухи?" Витя ответил, что, вероятно, эволюция могла бы породить подобные формы жизни в атмосфере с высокой плотностью, но там принципы полёта были бы иными. Ленка слушала серьёзно, и это грело.

Но на танцах она тоже была не самой популярной. Они оба стояли у стенки, пока остальные бесновались под "Белые розы".

— Слушай, — сказала она тихо, — я читала твою заметку о том, что муха реагирует на расширяющееся пятно. А ты пробовал проверить это на людях?

— Как это?

— Ну, например, ты подходишь к человеку, и он тоже видит твоё приближение. Только медленнее. Если ты подойдёшь слишком быстро, он испугается, а если медленно — привыкнет. Может, дело в той же самой угловой скорости?

Витя задумался. Это была блестящая мысль. Он посмотрел на танцующих. Если смотреть на них как на объекты, то каждый человек — это источник углового расширения. И каждый реагирует на это расширение по-своему. Кто-то отворачивается, кто-то, наоборот, приближается.

— Лен, ты гений! — сказал он. — Я об этом не думал.

Она улыбнулась, и Витя вдруг понял, что она красивая. Просто другой красотой — не броской, а тихой, как утренний свет на стогах сена.

Но этот момент длился недолго. Подошёл Петька, который всегда прилипал к Ленке.

— О, Прихлопов с нашей звездой галактики разговаривает, — насмешливо сказал он. — Ты её ещё в свои мушиные теории не втянул? Слушай, Ленка, отойди от этого ненормального, а то он тебя мухой сделает.

Ленка вспыхнула и отошла. Витя остался один, глядя на пляшущих одноклассников, и думал о том, что у человеческого глаза — всего лишь 60 герц. А у мухи — 200. Но у человеческого сердца — 72 удара в минуту, а у мухи — сотни. И, возможно, разница во временном восприятии — это не просто свойство нервной системы. Это фундаментальное

свойство массы и энергии.

И тут его осенило. Если муха воспринимает время быстрее, значит, для неё любое событие длится дольше. Удар руки, который для человека — десятая доля секунды, для мухи — почти целая секунда. Но если бы можно было замедлить время для человека — или ускорить для мухи — то можно было бы достичь равенства. А если ускорить время для мухи до бесконечности... она бы вообще перестала двигаться. Она бы застыла.

Но куда это вело? К созданию поля, изменяющего темпоральную частоту? К машине времени? Витя тряхнул головой. Это было безумно даже для него.

Тем временем дискотека заканчивалась. Ребята расходились по домам. Витя шёл пешком, потому что велосипед сломался. Ленка догнала его на полпути.

— Ты не злишь на Петьку, — сказала она. — Он просто дурак.

— Я не злюсь. Я думаю.

— О чём?

Витя помолчал. Они шли по тёмной улице, фонари едва горели. Где-то лаяла собака.

— Я думаю, — начал он, — что все мы — и мухи, и люди, и даже звёзды — существуем в одном пространстве-времени, но воспринимаем его по-разному. Муха видит мир как замедленное кино, человек — как нормальный темп, а, может быть, есть существа, для которых этот мир — бешеная

мелькающая карусель. И у каждого своя правда. Кто сказал, что наш темп — единственно правильный?

Ленка удивлённо посмотрела на него.

— Ты это серьёзно?

— Абсолютно.

— Тогда, — сказала она, улыбнувшись, — может быть, ты однажды создашь что-то, что позволит нам видеть мир так, как его видят мухи? Или наоборот — заставишь муху видеть, как человек?

— Может быть, — ответил Витя. — Но для этого мне нужно понять физику времени.

Они пошли дальше молча. Когда они дошли до развилки, Ленка попрощалась и побежала к своему дому. Витя остался один, глядя на Млечный Путь, который тускло мерцал над полями, и думал, что в космосе, наверное, есть мухи.

На следующий день в школе его ждал новый удар. Учитель физики, Егор Прокофьевич, человек с красным лицом и вечно потным лбом, вызвал Витю к доске и велел решить задачу о падении тела с высоты.

Витя решил быстро, но потом добавил:

— А вы знаете, что если тело падает, то для мухи, сидящей на нём, это будет выглядеть как движение с постоянной скоростью, потому что её зрительная система адаптируется к изменению фона?

Егор Прокофьевич побагровел.

— Прихлопов, ты опять про своих мух! Это физика, а не энтомология. Сядь и не позорь класс.

Витя сел. Он уже привык, что учителя не любят, когда он выходит за рамки программы. Но он не мог себя сдерживать — он видел взаимосвязи, которые никто не замечал. И если бы он молчал, эти взаимосвязи исчезли бы в пустоте.

В перемену к нему подошёл Саня Кузьмин, который был хитрее Петьки. Он сказал:

— Слушай, Прихлопов, ты такой умный. А почему ты не поможешь мне? По биологии завтра контрольная. Ты же всё знаешь про этих тварей. Может, дашь списать?

Витя уставился на него.

— Тебе зачем? Ты же говорил, что мои мухи — ерунда.

— Ну, сказал и сказал. А контрольная — серьёзно. Давай дружить?

Витя поколебался. Ему было обидно, что его признают только когда нужна помощь. Но, с другой стороны, это был шанс. Если он поможет, может быть, Саня перестанет над ним смеяться.

— Хорошо, — сказал Витя. — Я тебе объясню, как устроены насекомые.

Он водил Саню в библиотеку и показывал свои тетради. Саня слушал, но было видно, что он скучает. Он хотел просто получить ответы на вопросы, а не погружаться в тонкости нейробиологии. Витя понял, что его используют, и обиделся.

— Знаешь что, — сказал он. — Если тебе нужны только

ответы, иди к учебнику. Я не хочу быть шпаргалкой.

Саня нахмурился.

— Ах ты, зазнайка! — сказал он. — Думаешь, если переписываешься с профессорами, то ты круче всех? Да ты просто ненормальный! Ты даже на танцах не можешь нормально двигаться, только руками машешь, как будто муху ловишь.

Саня ушёл, хлопнув дверью. Витя остался один. Он взял свою тетрадь и нарисовал новую схему: нейронную цепь мухи, которая реагирует на угловое расширение. И он понял, что люди — точно такие же. Они тоже реагируют на приближение опасности, только медленнее. И насмешки — это тоже угроза, только социальная. И он, Витя, точно так же должен уклоняться — переставлять ноги, наклонять корпус, уворачиваться.

Но вместо этого он застывал, как та муха, которая не успела улететь. Застывал и получал удар.

В те годы в селе было два места, где собиралась молодёжь: клуб и летняя танцплощадка у реки. Танцплощадка была просто асфальтированным кругом с колонками и прожекторами. Сюда съезжались из соседних деревень. Здесь Витя появлялся реже всего — ему не нравилась толкотня и запах пота.

Но однажды мать настояла:

— Витя, ты уже парень взрослый. Нельзя сидеть дома со своими мухами. Иди, погуляй. Может, найдешь себе по-

дружку.

Он пошёл. На танцплощадке играла музыка, вернее, громкая кассета с каким-то западным роком, которую крутил местный диджей — Володька, пьянчужка, но с хорошим слухом. Виктор стоял в стороне, смотрел на танцующих. Девушки в ярких платьях, парни в клетчатых рубашках. Все двигались как-то однообразно, и вдруг Витя заметил, что среди них есть одна пара, которая движется иначе. Парень и девушка танцевали медленный танец, но их движения были синхронны до микрона. Они не смотрели друг на друга, но чувствовали друг друга. И Витя подумал: "Это как мухи в рое. Они не сталкиваются, потому что каждый чувствует движение соседа. Эволюция выработала алгоритм избегания столкновений."

Он подошёл поближе, чтобы разглядеть. Парень был из соседнего села, высокий, спортивный. Девушка — местная, Ира Гришина, которая училась на класс старше. Витя смотрел на их ноги и вдруг понял: они танцуют не в такт музыке, а в такт дыханию. Каждый вдох — шаг, каждый выдох — поворот. Это была не просто хореография, это был физический процесс, связанный с подачей кислорода в мышцы.

Он так увлёкся наблюдением, что не заметил, как к нему подошёл Петька с компанией.

— О, Прихлопов пришёл! — заорал Петька. — Ну-ка, покажи нам, как мухи танцуют!

Они схватили его за руки и вытащили в центр круга. Все

обернулись. Витя растерялся. Музыка играла быстрый фокс-трот, но он не знал шагов. Он начал дёргаться, пытаясь подражать движениям пары, которую наблюдал, но получалось нелепо. Ребята засмеялись. Кто-то крикнул: "Смотрите, он муху изображает!" — и все покатались со смеху.

Витя почувствовал, как земля уходит из-под ног. Ему захотелось провалиться сквозь асфальт. Но вдруг он вспомнил свою теорию. Он перестал слушать музыку — она была только помехой. Он начал слушать своё тело. Он представил, что он — муха, и что ему нужно улететь от опасности. Он сделал резкий шаг влево, затем разворот, потом пригнулся — это был его стандартный манёвр уклонения от тапка. Но в танце это выглядело как странный, но грациозный пируэт.

Все притихли. Витя продолжал двигаться, и вдруг поймал ритм — не музыки, а воздуха, который колыхался от движения людей. Он почувствовал, что если смотреть не на людей, а на пустоту между ними, то можно предсказать, куда они пойдут. Это было то же самое, что вычислять траекторию мухи. И он закружился среди танцующих, никого не задевая, уходя от столкновений за долю секунды до того, как они должны были произойти.

Когда танец кончился, все смотрели на него с удивлением. Петька открыл рот и не мог закрыть. Витя стоял, тяжело дыша, но внутри него разливалось странное тепло. Он не был блаженным. Он был тем, кто понял, что законы физики работают везде — и в коровнике, и на танцплощадке.

Девушки стали подходить к нему и спрашивать, где он научился так танцевать. Витя смущённо отвечал:

— Это просто... я представлял, что я муха.

Они смеялись, но уже не зло, а заинтересованно. Ира Гришина, та самая старшеклассница, подошла и сказала:

— Ты странный, Прихлопов. Но в этом что-то есть.

И она улыбнулась ему.

После того случая отношение к Вите в школе немного изменилось. Он перестал быть просто чудаком, которого дразнят. Он стал загадкой. Одни находили его движения смешными, другие — завораживающими. Но главное, что он привлёк внимание Ленки Смирновой, которая вдруг стала чаще оставаться после уроков, чтобы поговорить с ним о звёздах и о том, есть ли жизнь на других планетах.

Они сидели на старом тополе за школой, свесив ноги, и Витя объяснял ей, что если муха способна воспринимать время иначе, то, возможно, во Вселенной существуют цивилизации, которые живут в иных темпоральных режимах. Те, для кого наш век — мгновение, и те, для кого наша секунда — целая эпоха.

— Как ты думаешь, — спросила Ленка, — они могли бы общаться с нами?

— Если бы нашли способ синхронизировать частоты, — ответил Витя. — Это как радио: чтобы услышать друг друга, нужно настроиться на одну волну. А наша волна — это наша

скорость восприятия.

— А у мух — другая волна?

— Да. И поэтому мы не можем с ними договориться. Мы пытаемся их убить, а они просто пытаются выжить. Но если бы мы смогли говорить на их частоте, мы бы поняли, что они, возможно, умнее нас.

Ленка засмеялась.

— Ты серьёзно считаешь, что муха умнее человека?

— Не умнее, — поправил Витя. — Она просто живёт в другой размерности. Как шахматист, который просчитывает на десять ходов вперёд. У нас не хватает времени на просчёт, а у неё — хватает. В этом смысле она — гроссмейстер.

Ленка посмотрела на него с любопытством.

— А если бы ты мог замедлить время для себя, ты бы стал гроссмейстером?

— Может быть, — задумался Витя. — Но это не главное. Главное, что мы бы перестали быть врагами мухам. Мы бы увидели мир их глазами. И тогда... кто знает, что бы мы там увидели.

Они замолчали. Солнце садилось за горизонт, и небо окрасилось в оранжевый. Витя чувствовал, что в этот момент он близок к разгадке. Не просто к разгадке полёта мухи, а к чему-то большему. К разгадке времени.

Но тогда он ещё не знал, что эта разгадка откроется ему не в школе и не в деревне, а в Москве, в лаборатории, куда он попадёт через несколько лет. И что именно Ленка, кото-

рая сидит рядом с ним на тополе, через двадцать лет станет его коллегой и напишет диссертацию о квантовой темпорологии.

Он не знал этого.

Он просто сидел и смотрел на муху, которая кружила над ними, и думал: "Ты тоже хочешь понять нас, маленькое создание? Или ты просто ищешь еду?"

Муха улетела.

В 1986 году, когда Витя Прихлопов окончил десятый класс, случилось невероятное. Его пригласили в Московский государственный университет на биологический факультет. Прямо так, без экзаменов — на основании его переписки с учёными и, самое главное, на основании его сорока пяти тетрадей, которые он отправил в МГУ с оказией через знакомого водителя молоковоза.

Он помнил этот день до сих пор. Помнил, как открылось письмо — плотный конверт с гербовой печатью, как пахло типографской краской и бумагой, как тряслись руки, когда он читал:

"Уважаемый Виктор Иванович! Комиссия биологического факультета МГУ рассмотрела Ваши материалы по этологии и нейрофизиологии *Musca domestica*. Ваши наблюдения о взаимосвязи между температурой окружающей среды и скоростью зрительной реакции насекомых представляют значительный научный интерес. Мы приглашаем Вас на фа-

культет..."

Мать плакала. Отец молчал, потом вышел на крыльцо и долго курил — первую сигарету за последние десять лет. Друзья, те, что называли его блаженным, теперь смотрели с уважением. Они ничего не понимали в мухах, но понимали в "Московском государственном". Это звучало серьёзно.

Даже Петька Сидоров, который всегда был главным насмешником, подошёл и хлопнул его по плечу:

— Ну, Прихлопов, ты, оказывается, не дурак. Молодец! Будешь в Москве — не забудь про нас, деревню.

Витя улыбнулся. Ему было приятно, но в глубине души он знал, что эти люди так и не поняли его. Они видели только внешний успех — приглашение, стипендию, престиж. Но они не видели мух. Они не понимали, что муха — это ключ ко всей Вселенной.

Ленка пришла проводить его на вокзал. Было раннее утро, пахло мокрой травой. Она держала в руках букет полевых цветов.

— Ты обязательно вернёшься? — спросила она.

— Я не знаю, — честно сказал Витя. — Наверное, моя жизнь теперь будет там, в Москве. Но я никогда не забуду это место. Здесь я понял главное.

— Что?

— Что время — это не стрелка на часах. Это скорость мышления. И если мы сможем её изменить, мы сможем всё.

Ленка поцеловала его в щёку. Поезд тронулся. Витя сто-

ял у окна, смотрел на удаляющуюся фигурку и думал о том, что это, возможно, последний раз, когда он видит эту деревню. Но он ошибался. Он вернётся сюда через двадцать лет, уже нобелевским лауреатом, с формулой темпорального поля, которая объяснит, почему муха уворачивается от удара. И тогда все поймут.

Но это будет потом.

А пока он ехал в Москву, в руках у него была только сумка с тетрадами — сорок пять тетрадей, каждая из которых содержала частицу разгадки. И он знал, что впереди его ждёт не только университет, но и жизнь, полная открытий.

Через неделю Витя стоял в вестибюле главного здания на Ленинских горах, смотрел на огромную мозаику "Человек и наука" и чувствовал, как всё внутри трепещет. Он держал в руках свои тетради — все сорок пять, перевязанные бечёвкой — и ждал, когда его пригласят в аудиторию.

"Большие дяди с большими погонами", как он называл их в письмах маме, оказались не военными. Это были академики, члены-корреспонденты, профессора. Они смотрели на шестнадцатилетнего парня из глухой деревни и задавали ему вопросы, от которых у самого Виктора иногда перехватывало дыхание.

— Как вы объясняете асимметрию разбега при правой и левой угрозе?

— Каково время задержки между визуальным сигналом и

началом движения ног?

— Проводили ли вы эксперименты с изменением частоты мельканий?

— И самое главное, Виктор, — спросил старый седовласый профессор, который сидел во главе стола. — Что вы видите в том, что другие считают просто назойливым насекомым?

Витя молчал секунду, собираясь с мыслями. Он не готовил ответ, но знал его с детства. Знал, потому что видел мух не как объект для изучения, а как произведение искусства, созданное эволюцией.

— Я вижу, — сказал он тихо, — что муха — это живой гироскоп. Её жужжальца, которые вы считаете просто редуцированными крыльями, позволяют ей определять своё положение в пространстве с точностью до градуса. Я вижу, что её нервная система — это суперкомпьютер, который обрабатывает информацию быстрее, чем любой из существующих процессоров. Я вижу, что её глаза — это не просто линзы, а целые радары, которые вычисляют траекторию опасности за сотые доли секунды.

Он перевёл дух.

— И я вижу, что каждый раз, когда человек пытается её прихлопнуть, он проигрывает не из-за того, что медленный. А потому что для мухи это — замедленная съёмка, где он, человек, выглядит как огромная, неповоротливая статуя. Мы живём в одной реальности, но в разных временных слоях.

В аудитории повисла тишина. Старый профессор медленно снял очки, протёр их и сказал:

— Так вы считаете, что дело не в скорости восприятия, а в разности темпоральных потоков?

Виктор кивнул.

— Да. И я хочу доказать это экспериментально.

В тот вечер Витя — теперь уже почти студент, почти москвич — сидел в общежитии и писал письмо домой. Матери он писал о том, что кормили вкусно, кровати мягкие, а соседи по комнате — славные ребята. Отцу — что наука идёт хорошо, профессора его хвалят.

И лишь в самом конце, на отдельном листке, который он зачем-то подписал "для архива", он написал то, что не мог сказать вслух никому:

"Я понял это сегодня, когда они меня спросили. Я понял, что наша человеческая физика — это физика медленных процессов. Закон всемирного тяготения, теория относительности, квантовая механика — всё это описывает мир, который мы видим в человеческом временном масштабе. Но муха живёт в другом масштабе. И если я смогу проникнуть в этот масштаб, если я смогу увидеть мир глазами мухи... я, возможно, открою новый закон. Закон времени. Закон, который связывает скорость восприятия с кривизной пространства."

Он остановился, посмотрел на свои сорок пять тетрадей

и добавил:

"Потому что муха не просто быстрее нас. Она живёт в другой частоте реальности. Как будто весь мир для неё — это замедленная съёмка. И если я пойму, как она этого достигает... возможно, я пойму, как замедлить время для человека."

Он убрал листок в конверт, но отправить не решился. Слишком это было безумно, даже для него.

Вместо этого он лёг на койку, закрыл глаза и снова увидел муху — ту самую, которая сидела на левом роге Бурёнки, номер 437. Он видел, как она срывается с места, как её крылья начинают биться с частотой двести раз в секунду, как её нервная система просчитывает траекторию, как глаза регистрируют изменение углового размера его ладони.

И вдруг он понял то, чего не понимал раньше.

Муха начинала убегать не тогда, когда он уже занёс руку, а когда он *только подумал* о том, чтобы её прихлопнуть. Она чувствовала намерение. Она видела не его руку. Она видела его сознание. Или, по крайней мере, те микродвижения мышц, которые предшествовали удару.

"Значит, — прошептал Виктор в темноту, — нам нужна более быстрая рука. Или более медленная муха. Или... пространство, в котором время течёт иначе."

Он не знал, что через сорок лет именно эта идея станет фундаментом для открытия, которое перевернёт физику. Что "принцип Прихлопова" войдёт в учебники по кван-

товой темпоральной биологии. Что его имя будут произносить рядом с именем Эйнштейна и Хокинга.

Он не знал, что он станет первым человеком, который не просто прихлопнет муху — но сделает это так, что муха *не заметит* удара, потому что для неё он будет длиться одно мгновение, а для мира — вечность.

Он не знал этого тогда.

Он просто лежал в общежитии, слушал, как за стеной играет музыка, и думал о мухах, о времени и о том, что все мы — люди, коровы, мухи — на самом деле живём в одном мире. Просто смотрим на него с разной скоростью.

И тот, кто сможет переключить эту скорость, станет хозяином Вселенной.

Глава вторая. Темпоральный коэффициент

Москва встретила Виктора Прихлопова запахом бензина, сыростью метро и ощущением, что время здесь течёт быстрее. Люди двигались с такой скоростью, что для его деревенских глаз они казались размазанными траекториями — как мухи, только без крыльев. Он стоял на платформе «Университет», сжимая в руках потёртый чемодан с тетрадами, и пытался привыкнуть к этому новому темпу.

— Ты Прихлопов? — спросил высокий парень в очках, который махал табличкой «Биофак». — Я Сергей, твой куратор. Пойдём, покажу общежитие.

По дороге Сергей рассказывал о факультете, о профессорах, о том, что у них есть своя оранжерея и даже виварий с

дрозофилами — плодовыми мушками, которых уже много лет изучали генетики.

— Ты ведь тоже про мух пишешь? — спросил Сергей. — Я читал твою переписку с Лейбовичем. Он тебя очень хвалил, между прочим.

— Правда? — удивился Витя. — Он мне писал, что моя теория недостаточно обоснована.

— Ну, это он всем так пишет. Но он сказал, что у тебя есть интуиция. А это дорогого стоит.

Витя почувствовал, что здесь, в Москве, его наконец-то воспринимают всерьёз. Но это ощущение длилось недолго. Уже на первом курсе он столкнулся с тем, что академическая наука — это не только поиск истины, но и бюрократия, интриги, борьба за гранты.

Профессор Черепанов, заведующий кафедрой энтомологии, был пожилым человеком с вечно недовольным лицом. Он вызвал Витю к себе в кабинет и сказал:

— Прихлопов, я прочитал твои работы. Интересно, но слишком фантастично. Ты пишешь о том, что муха воспринимает время иначе. Но у нас нет приборов, чтобы это измерить. Как ты собираешься доказывать свою теорию?

— Экспериментально, — ответил Витя. — Я хочу измерить частоту слияния мельканий у мухи при разных условиях и сопоставить с её поведенческими реакциями. Если я покажу, что при повышении температуры порог мельканий растёт, а время реакции падает, это будет косвенным дока-

зательством.

— Где ты возьмёшь оборудование? У нас нет высокоскоростных камер.

— Я соберу сам, — сказал Витя. — Мне нужен только осциллограф, источник света и фотодиод.

Черепанов усмехнулся.

— Хорошо, попробуй. Но учти: если через полгода не будет результатов, я отправлю тебя на полевую практику в Астраханскую область.

Витя вышел из кабинета и понял, что его первая битва в Москве проиграна — но он не собирался сдаваться.

Он поселился в общежитии на улице Шверника, в комнате на четверых. Соседи — Саша из Воронежа, Коля из Новосибирска и Володя из Питера — были обычными студентами, которые пили чай по ночам, играли в карты и обсуждали девушек. Они быстро привыкли к Витиным странностям: к тому, что он мог встать в три часа ночи и начать записывать что-то в тетрадь, или к тому, что он часами сидел у окна и наблюдал за мухами, которые залетали в комнату.

— Ты бы ещё тараканов считал, — шутил Саша. — Ну их, этих мух. Давай лучше пиво пить.

Но Витя не пил пиво. Он пил только чай, крепкий, с сахаром, и читал научные статьи, которые ему присылал Лейбович. Где-то в середине первого семестра он нашёл в библиотеке статью о жужжальцах мух — редуцированных задних

крыльях, которые работают как гироскопы. Он уже знал об этом, но теперь ему пришла в голову новая мысль: если муха использует жужжальца для стабилизации полёта, то, возможно, она использует их и для измерения времени? А если так, то частота колебаний жужжалец может быть связана с темпоральным восприятием?

Он написал Лейбовичу письмо, но тот ответил сдержанно: *"Дорогой Виктор! Ваша идея интересна, но я боюсь, что Вы смешиваете механику и нейробиологию. Жужжальца — это органы равновесия, а не часы. Однако, если Вы сможете экспериментально показать корреляцию между частотой колебаний жужжалец и скоростью зрительной реакции, это будет прорывом. Но это крайне сложно."*

Витя задумался. Просто наблюдать за мухами было недостаточно. Нужны были приборы, измеряющие не только движение, но и нейронную активность. Он начал ходить на лекции по биофизике, изучать электрофизиологию, пытаться понять, как регистрировать потенциалы действия у насекомых. Это была почти невыполнимая задача для первокурсника, но Витя упёрся.

Он познакомился с аспиранткой Марией Соколовой, которая работала с дрозофилами и знала, как вживлять электроды в их нервные узлы. Мария была старше его на шесть лет, носила строгие очки и всегда была занята. Но она увидела в Вите одержимость, которая ей импонировала.

— Ты хочешь измерить время реакции мухи в миллисе-

кундах? — спросила она. — Мы уже делали это. В среднем муха реагирует на приближение объекта за 50–70 миллисекунд. Это давно известно.

— Но я хочу измерить не просто время реакции, — возразил Витя. — Я хочу измерить, как оно меняется в зависимости от температуры, освещённости, а главное — от того, как часто муха видит мелькания. Я хочу вывести формулу зависимости между частотой слияния мельканий и временем реакции. Если эта зависимость есть, то она будет подтверждением того, что восприятие времени — это не константа, а переменная.

Мария задумалась.

— Это сложный эксперимент. Нужна высокоскоростная камера и стимулятор с регулируемой частотой.

— Я знаю, — сказал Витя. — Но у нас на кафедре есть осциллограф, а фотодиоды я могу достать. Высокоскоростную камеру я попробую попросить у физиков.

Он отправился на физический факультет, где ему посоветовали обратиться к профессору Вознесенскому, который занимался лазерной спектроскопией. Вознесенский оказался сухим, но любопытным человеком. Он выслушал Витю и сказал:

— То есть вы хотите снимать муху со скоростью тысяча кадров в секунду? Это возможно. У нас есть камера, но она занята в другом эксперименте до весны. Если подождёте — дам вам время.

Витя согласился. У него было полгода, чтобы подготовить всё остальное.

Зимние вечера в Москве были долгими. Витя сидел в библиотеке, читал работы по квантовой механике и вдруг наткнулся на статью о принципе неопределённости Гейзенберга. Там говорилось, что невозможно одновременно измерить точное положение и импульс частицы. И его осенило: а что, если время — это тоже координата, которую нельзя измерить с бесконечной точностью, если мы знаем энергию? Или наоборот? Он начал выводить формулы на полях тетради. Если муха видит мир с более высокой частотой, значит, её "временное разрешение" выше. Это как разница между камерой, которая снимает 24 кадра в секунду, и камерой, которая снимает 1000. Чем выше частота, тем более детально вы видите движение. Но по принципу неопределённости, если вы видите движение слишком детально, вы теряете информацию о других параметрах — например, о цвете или яркости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.